

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Донецкий национальный университет

На правах рукописи

Шокотько Лариса Евгеньевна

**СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА (ЧАСТИЦЫ И СОЮЗЫ)
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Донецк – 2016

Работа выполнена на кафедре общего языкознания и истории языка
Донецкого национального университета

Научный доктор филологических наук, профессор
руководитель: Калинин Валерий Михайлович

Официальные Теркулов Вячеслав Исаевич
оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Донецкий национальный университет,
заведующий кафедрой русского языка

Бражник Лена Мирзояновна
кандидат филологических наук, доцент
Донецкий педагогический институт,
доцент кафедры лингвистики

Ведущая Луганский государственный педагогический
организация: университет им. Тараса Шевченко

Защита состоится «_____» _____ 20__ года в _____
часов на заседании диссертационного совета (Д01.020. 05) при
Донецком национальном университете по адресу: 83001, г. Донецк, ул.
Университетская, 24, филологический факультет.

Тел.: +38 062 302-92-33, факс: +38 062 302-07-49
e-mail: dis.d0102005201@yandex.ru

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Донецкого
национального университета по адресу: 83001, г. Донецк, ул.
Университетская, 24.

Автореферат разослан «_____» _____ 20__ года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л. Т. Сенчина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

“Большая жизнь” многих частиц (за исключением формообразующих и отрицательных) начинается в XVII веке. Это объясняется спецификой их семантики: в большинстве своем они служат для выражения “субъективно-модальных характеристик и оценок сообщения”, “характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления” (АГ –80

“Житие” протопопа Аввакума, ставшее одним из основных текстов, привлечённых к исследованию частиц в русском языке XVII века, было написано живым “природным языком”, представляло собой скорее развернутую автобиографию, чем традиционный для древнерусской литературы жанр жития. Не ограничиваясь сухим, “протокольным” перечислением фактов, “неистовый протопоп” вносил в свои сочинения экспрессию, которая определила стиль его произведений: события, люди, их поведение, речь, собственная личность описаны ярко, эмоционально, не сторонним наблюдателем, а активным участником происходящего. Бунтарский дух, полемическая заострённость, которыми проникнуто творчество Аввакума, требовали новых средств выражения: его речь изобилует вульгаризмами, особенно когда он говорит о своих противниках, он вводит в повествование “диалектические особенности своего родного григоровского говора” (Н. К. Гудзий), активно использует частицы, вносящие множество дополнительных значений.

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью частиц, особенно в историческом аспекте, а во-вторых, необходимостью по возможности разграничить частицы и другие служебные слова (союзы и предлоги), дать более полное и чёткое описание значений, вносимых ими в контекст.

Степень разработанности. Хотя за последние два-три десятилетия появилось некоторое количество специальных исследований частиц, в том числе посвящённых какой-либо одной из них, этот класс слов остается недостаточно изученным. И если вопрос об отнесённости других служебных слов (предлогов, союзов и междометий) к той или иной части речи можно считать в основном решённым, то “частицы как особая часть речи представляют собой самую неопределённую по составу группу слов. Ни одно из существующих определений не только не очерчивает достаточно четко их границ, но, наоборот, открывает эти границы: полунаречия, полусоюзы, модальные слова, даже морфемы попадают в круг частиц” (Е. А. Стародумова). Нет единства и в определениях частиц. В. В. Виноградов квалифицировал частицы как “классы таких

слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных отношений)”. По определению Е. М. Галкиной-Федорук, “частицами называются незначащие слова, которые 1) служат для выражения дополнительных смысловых оттенков отдельного слова, словосочетания или целого предложения; 2) служат средством выражения эмоций; 3) выполняют роль аффиксов при словообразовании” (Е. М. Галкина-Федорук). Существуют расхождения во мнениях и по вопросу дифференциации частиц, союзов и междометий. Т. М. Николаева считает, что “даже в современном русском языке мы не можем чётко отличить союз от частицы, частицу от наречия, частицу от междометия, частицу от местоимения (всегда находятся „гибридные классы” (Виноградов, 1972), “переходные классы”: частицы-союзы, частицы-наречия, частицы-вводные слова (АГ-80. т. 1, с. 730), „гибридный союз” (Иванова), „союзные частицы” (Шведова) и т.д.” (Т. М. Николаева, 1985). А. Н. Гвоздев, напротив, полагал, что синтаксические функции частиц “резко отграничены от функций предлогов и союзов, именно: в противоположность им частицы не выражают связей и отношений между словами, благодаря чему они нередко противопоставлялись союзам и предлогам как несинтаксические служебные слова синтаксическим” (А. Н. Гвоздев, с. 422).

Бесспорно лишь то, что

1) языковая единица, соединяющая части сложного предложения или “равноправные части” (Д. Н. Овсянко-Куликовский) является союзом;

2) частица сама по себе, как отдельно взятое слово, не имеет самостоятельного значения. Она не имеет и того общего значения “усиления”, “выделения”, “ограничения”, “отождествления” и т.д., “которое обычно приписывается ей как слову, принадлежащему к тому или иному разряду внутри общей категории частиц”. В толковании значений частиц также нет единства. В словарных статьях, посвящённых частицам, с одной стороны, даётся слишком общая характеристика, которая не отражает всего многообразия выражаемых ими значений, с другой, часто отсутствует общее значение слова.

Целью работы является изучение семантических и функциональных особенностей усилительных и выделительно-ограничительных частиц с учётом их “союзных функций” и морфологических трансформаций в русском языке XVII века.

Намеченная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Извлечение полного корпуса контекстов с усилительными и выделительно-ограничительными частицами из отобранного для исследования материала.

2. Многофакторный анализ минимальных контекстов, достаточных для функционально-синтаксической квалификации частиц и определения их семантики.

3. Описание основных функций частиц и условий их употребления.

4. Выявление и описание дополнительных значений, вносимых частицами в высказывание.

5. Описание функционально-грамматических и семантических свойств слов, относящихся к так называемым “переходным классам”.

Объект исследования – служебные слова (частицы и союзы) русского языка XVII века.

Предмет исследования – функционально-семантические особенности усилительных и выделительно-ограничительных частиц и их морфологических трансформаций как представителей категории служебных слов русского языка XVII века.

Материалом исследования являются произведения древнерусской литературы XVII века: житийная литература («Житие протопопа Аввакума»; «Житие Епифания»), поучения («Поучение аввы Дорофея о любви и обращение Аввакума к “питомникам церковным”»; «О трех исповедницах слово плачевное»; «Книга толкований и нравоучений»; «Книга бесѣдъ») богословские сочинения («Книга обличений или Евангеліе Вѣчное»; «Снискание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека»); частная и деловая переписка («Челобитные, письма, послания»; «Переписка Ф. П. Морозовой с Аввакумом и его семьей»; «Письма Е. П. Урусовой»), памятники письменности («Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край»; «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия»; «Акты писцового дела (1644 – 1661 гг.)», литературные произведения и “журналистика” («Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков»; «Сочинения царя Алексея Михайловича»; «Вести-куранты 1642-1644 гг.»).

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в привлечении к анализу произведений древнерусской литературы XVII века (сочинений протопопа Аввакума, поучений, памятников деловой письменности и т.д.) на этапе бурного развития и демократизации русского литературного языка, а во-вторых, – в попытке найти функционально-грамматические и семантические параметры собственно частиц в так называемых

“переходных классах”: частицах-союзах, частицах-наречиях, частицах-вводных словах.

Теоретическое значение работы заключается в целостной разноаспектной характеристике функционально-семантических свойств группы служебных слов, преимущественно проявляющихся в роли частиц в русском языке XVII века, т.е. в период завершения формирования национальных вариантов восточнославянских языков.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности применения результатов исследования в лексикографии при толковании служебных лексем с учётом взаимовлияния контекста и дискурсивных слов, а также в возможности использования основных положений и результатов исследования в преподавании курсов истории языка, лексикологии и лексикографии.

Методы исследования обусловлены его целями, задачами и анализируемым материалом. В работе используются описательный, компонентный и структурный методы. Анализ функционально-грамматических и семантических свойств частиц проводился на материале произведений древнерусской литературы различных жанров. Кроме традиционных методов, в исследовании использовалась электронная база данных (MS Access), в которой собирались и обрабатывались примеры употребления частиц с привлечением контекстов различного уровня сложности и протяжённости. В структуре базы данных была предусмотрена возможность для анализа основных и дополнительных значений частиц, а также их позиционных характеристик.

Положения, выносимые на защиту: 1) трудности, связанные с отнесением анализируемых слов к той или иной части речи, обусловлены не столько их реальными свойствами, сколько особенностями предложенных разными учёными классификаций; 2) нормальным состоянием слов с семантикой частиц речи является постоянный лексигенез – непрерывное движение в пространстве вспомогательных средств выражения различных семантико-синтаксических отношений между компонентами высказывания 3) для отражения в словарных статьях реальной динамики семантико-синтаксических свойств вспомогательных средств с семантикой частиц речи необходима разработка специальной теории лексикографии.

Достоверность исследования обеспечивается применением методологически оправданных методов, приёмов и способов описания лексических единиц, а также надёжностью источников привлечённого к исследованию материала: анализ осуществлялся на текстах, подготовленных и изданных Академией наук СССР.

Апробация результатов исследования осуществлена на 10 конференциях, из них – на 8 международных.

1. V Некрасовские чтения. Современное прочтение Н. А. Некрасова. – Ярославль, 1990.
2. Вторая Международная периодическая научно-практическая конференция «Спецпроект: анализ научных исследований». – Днепропетровск, 2005.
3. Міжнародна науково-практична конференція “Розвиток наукових досліджень 2005”. – Полтава, 2005.
4. Вторая Международная периодическая научно-практическая конференция «Альянс наук: учёный – учёному». – Днепропетровск, 2005.
5. «II Міжнародна науково-практична конференція «Дні науки – 2006». – Днепропетровск, 2006.
6. II Міжнародна науково-практична конференція «Сучасні наукові дослідження – 2006». – Днепропетровск, 2006.
7. XV Международная научная конференция им. проф. Сергея Бураго (19–23.06.2016). – Киев, 2006.
8. Международная научно-практическая конференция «Современные направления теоретических и прикладных исследований – 2010». – Одесса, 2010.
9. Международная научная конференция им. проф. Сергея Бураго (24–27.06.2013).
10. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 23 августа 2013 г. – Краснодар, 2013.

Публикации. Основные положения и результаты исследования освещены в 23 публикациях, в том числе в 9 статьях, опубликованных в изданиях ВАК Украины и 8 тезисах докладов на научных и научно-практических конференциях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трёх глав, общих выводов, списка литературы и использованных источников иллюстративного материала, а также приложения, представляющего собой образцы словарных статей.

Во **Введении** обосновывается актуальность работы, определяются цели и задачи изучения функционально-семантических свойств изученных слов, анализируются предмет и материал исследования.

Первая глава **«Из истории изучения и развития теории частиц как разновидности служебных слов»** состоит из двух разделов. В разделе «Краткий очерк изучения частиц в русском языкознании до возникновения сравнительно-исторического метода» излагаются взгляды

авторов грамматик XVI-XVIII вв. Вплоть до второй половины XVIII века, до выхода в свет в 1755 году «Российской грамматики» Михаила Ломоносова, главными (и наиболее полными) руководствами по русскому языку оставались: «Грамматика словенска совершенна искусства осми частей слова», составленная Лаврентием Зизанием (1596 г.), и «Грамматики славенския правильное синтаagma», составленная Мелетием Смотрицким (1619 г.). Общим для них является то, что большинство частиц относилось либо к союзам, либо к наречиям. Этой же классификации на протяжении трехсот лет придерживались и другие лингвисты, вплоть до того времени, когда в 1899 году А. В. Добиаш выделил частицы в отдельную категорию.

Свою грамматику М. В. Ломоносов разделил на шесть глав, которые назвал «наставлениями». Пятое «наставление» он посвятил характеристике служебных частей речи. Принято считать, что Ломоносов разграничивал знаменательные и служебные слова, однако в категорию служебных, или «вспомогательных» слов, кроме предлогов, союзов, междометий, он включал местоимения, причастия и наречия. Частицы приписывались либо к наречиям, либо к союзам, а некоторые включены в разряд «удивительных междометий» (*тото, тото на, вотъ тото*). Все последующие грамматики (Н. Курганов, А. А. Барсов и др.), вплоть до начала XIX века, в той или иной степени составлялись под влиянием грамматики М. В. Ломоносова.

Во втором разделе «История изучения частиц в сравнительно-историческом языкознании» освещаются современные теории частиц. С возникновением в начале XIX века сравнительно-исторического языкознания начался новый этап в развитии лингвистики, в том числе и в изучении частей речи. Появились работы Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова, Я. Гримма, Ф. И. Буслаева, которые оказали значительное влияние на русскую грамматическую традицию. В 1899 г. А. В. Добиаш впервые выделил частицы в отдельную группу слов.

Во второй главе «Усилительные частицы» анализируются лексико-семантические свойства частиц *и, же, да, ведь, бо, вот*, выявленные при анализе литературных текстов XVII века, приводятся лексикографические описания. В первом разделе излагается история изучения частиц, в том числе усилительных, даны их позиционные характеристики, рассматриваются основные значения; учтены и представлены также союзные функции. Усилительные частицы находятся, как правило, в препозиции к слову, значение которого усиливается или выделяется, причем частицы могут употребляться как контактно, так и дистантно. Исключение составляет частица *же*, которая всегда находится в постпозиции к выделяемому

слову. Здесь же рассматриваются различные нюансы усилительного значения отдельных частиц. Так, частица **вот** акцентирует внимание на последующем высказывании, выделяя его из общего контекста. Частица **вотъ** 1) вводит предложения, аргументирующие необходимость или, наоборот, невозможность совершения каких-либо действий или поступков; 2) указывает на причину, основание предшествующего утверждения.

Однако функция частиц не сводится только к усилению выразительности высказывания. Частица **вот** совмещает усилительное значение со значением подтверждения, идентификации содержания предшествующего высказывания, семантически сближается со значением частицы **именно**, в то же время устанавливая причинно-следственные отношения. Частицы **вот**, **ну** и **да** выполняют следующие функции: 1) открывают прямую речь; 2) вводят предложение, указывающее на завершение / начало повествования или его части (частицы **ну** и **вот**); 3) Отмечают переключение автора с одной мысли на другую. Кроме этого, в зависимости от контекста частицы также могут совмещать различные функции. В частице **же** отчетливо прослеживаются следующие “семантические комбинации”: а) выделительное значение, соответствует **ведь**; б) союзная функция: частица соединяет предложения, находящиеся в причинно-следственной зависимости. В этом случае значение частицы соответствует значению союза **потому что**; в) собственно усилительное значение. Кроме этого, **же** может совмещать аргументативное, побудительное и присоединительное значения: На обѣщании в Соловецком м(о)н(а)ст(ы)рѣ въ попы ставили, и ты не стал, и в монастырѣ не жилѣ, и пустыню оставилѣ; тер’пи **же** н(ы)нѣ, окаянной, всякую бѣду, и горестѣ, и досаду таемничную” (ЕЖит, с. 130).

Аналогичные функции выполняют частицы **ведь** и **бо**, которые 1) сохраняют собственно усилительное и выделительное значения, актуализируя значение принадлежности; 2) вносят значение количественной или качественной характеристики объекта; 3) вводят предложение, поясняющее мысль, содержащуюся в предыдущей части высказывания: Не дивно бы ми было, о(т)че с(вя)тѣй, аще бы ми послал б(о)гъ оленя, или соболя, или лисицу драгую, или ин звѣрь: то **бо** их дом и жилище. Бѣ **бо** лѣсу на всѣ страны по сту верстѣ есть и бол(ь)ше; <...> (ЕЖит, с. 115); Простите мя, о(т)цы с(вя)тѣи и братія! Согреѣшил я: много **вотъ** я мурашей тех предавил, <...> (ЕЖит, с. 91). Кроме того, **ведь** может вводить контраргументацию: в этом случае части предложения связывают отношения противопоставления: За что ты, с(ы)не б(о)жий, попустил таково бол(ь)но убит(ь)-тово меня? Я **вотъ** за вдовы твои сталѣ! (АЖит, с. 30).

Отмечены многочисленные случаи употребления усилительной частицы **же** в функции сопоставительно-противительных союзов **а, но**, однако вряд ли ее можно однозначно квалифицировать как противительный союз, она как бы смещает акцент с предложения на слово, непосредственно после которого стоит, и уже это слово несет модальный акцент: До Василия пояху во ц(е)ркви а||нг(е)льския рѣчи: “Аллилуия, аллилуия, аллилуия!”. Егда **же** бысть Василий, и повелѣ пѣти двѣ анг(е)льския рѣчи, а трет(ь)ю – ч(е)л(ов)ѣческую <...> (АЖит, с. 15).

Побудительная частица **же** синонимична частицам **да, пусть**. Для побудительных предложений с **же** характерен фиксированный порядок слов: частица располагается сразу после императива. Побуждения с **же** выражали: 1. Повторную просьбу, причѣм первоначальная могла иметь как эксплицитное, так и имплицитное выражение. 2. Начальное побуждение, которое не обязательно имело эксплицитное выражение – оно могло предполагаться ситуацией. 3. Иногда употребление **же** кажется немотивированным. Очевидно, в таких случаях единственной функцией частицы является усилительная.

В сочетании с повелительным наклонением глагола частица **же** и синонимичные **да, ну, вотъ** усиливают значение глагола и экспрессивную окраску всего предложения, подчеркивая 1) настоятельность просьбы, важность ее для говорящего; 2) побуждение к действию, необходимость совершения его. Частица также вносит значение следственной обусловленности.

Кроме того, являясь неотъемлемым элементом сакральных формул, частица **да**, с одной стороны, функционирует как модальная, придавая высказыванию патетическое звучание, с другой – выполняет формообразующую функцию (синонимична частице **пусть**) или союзную (синонимична целевому союзу **чтобы**). Собственно усилительная частица **да** употребляется в начале предложения для придания высказыванию большей силы, выразительности или внутри предложения перед сказуемым или группой сказуемого для усиления их значения:

Во втором разделе описываются дискурсивные функции частиц, которые тесно связаны с их союзными функциями. Дискурсивные (аргументативные) функции выполняли в основном частицы **же, ведь, бо**. Кроме этого, **же** выполняла сопоставительную функцию: сопоставляться могли актанты (субъекты и объекты) и действия. Частица могла 1) связывать разные актанты: От(е)цъ мой прилѣжаше пития хмел(ь)нова, мати **же** моя постница и м(о)л(и)твеница бысть, <...> (АЖит, с. 17); 2) маркировать разные вхождения одного и того же денотата: <...> Тѣ-то евреи словутъ по давешнему Еверу, онѣ **же** израилтяня словутъ по

Иякову. <...> Да онѣ **же** словутъ июдѣи, <...> (АСоб, с. 111); 3) в отличие от современного русского языка, частица **же** маркировала тождество действий или состояний, употребляясь после глаголов, в этом случае речь могла идти а) о сопоставлении и даже о явном противопоставлении; б) о действиях различных, но не противопоставленных друг другу.

Исследование контекстов употреблений лексемы позволило выявить следующие основные сферы её проявления: 1. **Же** сопоставительное: Частица выполняла сопоставительную функцию и семантически сближалась с союзами **а**, **но**, иногда — **и**. Могли сопоставляться а) различные предметы: На всѣх дамашних ужас нападе, <...> Аз **же** без испра||вления приступил к нему <...> (АЖит, с. 65); б) события: <...> у нас в Соловецком м(о)н(а)стырѣ с(вя)тии о(т)цы и братия начаша тужити и плакати горко <...> Паче **же** всѣх презреченный Мартирий-с(вя)щенноинокъ обливашеся горкими многими слезами <...> (ЕЖит, с. 82); в) некое потенциальное множество и единичный элемент: Ковчег же ещё не совершенъ, времени на дѣло надобе 40 лѣтъ. <...> Анг(е)лъ **же** г(о)с(по)д(е)нъ в три дни совершилъ (АСоб, с. 108). **Же** может маркировать отношения противопоставления между соотносимыми текстовыми фрагментами: И я говорю: “Мы уроди Х(рист)а ради! Вы славни, мы **же** безчестни! Вы сил(ь) ни, мы **же** немощни” (АЖит, с. 54).

2. Частица-союз **же** связывает высказывания, не противопоставленные друг другу, а представляющие линейно следующие друг за другом во временной последовательности события, действия.

3. Высказывание с **же** не противоречит соотносимому с ним, а наоборот, развивает логику ситуации: <...> старецъ <...> бл(а)г(о)с(ло)ви мя в кѣлию ити. Аз **же** со бл(аго)с(ло)вениемъ старцевым идох в кѣлию ту <...> (ЕЖит, с. 83).

Аргументативную функцию выполняли частицы **же**, **ведь**, **бо**. Выявлены два варианта аргументации: “за” и “против”. Более детальный анализ показывает, что тождество аргументативных значений, передаваемых частицами **ведь** и **же**, является кажущимся. **Же** обычно вводит аргумент в пользу модификации того, о чем говорилось во введенном ранее высказывании и гораздо реже используется для его поддержания. **Ведь**, наоборот, чаще вводит аргумент в пользу сказанного ранее. Ср.: 1. Я, идучи, говорю: “Не надѣйтесь на кн(я)зя, на с(ы)ны ч(е)л(о)вѣческия, в них **же** нѣсть спасения”, и прочая (АЖит, с. 47) и 2. Писано моею грѣшною рукою. Сколко Богъ далъ, лутче тово не умѣю. Глупъ **вѣтъ** я гораздо. (АКнТолк, с. 576). **Же** вводит информацию, предполагающую прямые поведенческие следствия из нее, путем возврата к известному (в них <...> нѣсть спасения). Необходимость изменения поведенческой установки подтверждается

первой частью высказывания, в которую включен глагол в повелительном наклонении (не надѣйтесь). Предложения с *ведь* представляют собой не столько аргумент, сколько объяснение предопределяющих условий. Но в то же время частица, несомненно, выполняет аргументативную функцию (аргумент “за”). Информация, вводимая с помощью *же*, известна или очевидна. Напротив, *ведь* актуализует отсутствующий у слушающего элемент информации, обуславливающий выбор.

Введение высказываний с *ведь* предполагает включение данных, не только отражающих действительность, но и сообщающих о факторах, обеспечивающих а) правильную интерпретацию фактов, установление причинно-следственных связей: Да уже тому, отче Ионо, со Фряжских книгъ книги печатають, таковы и иконы дѣлають. Нѣмцы, *вѣдь*, иконамъ не кланяются, токмо свои образины пишуть; <...> (АЧел, с. 898); б) выбор правильного сценария поведения: Не пререкуйте же вы пред старицею-то съ Евдокією: она *вѣдь* ангельский чинъ содержитъ, а вы простые бабы <...> (АКнБес, с. 399). В отличие от современного, в языке XVII века высказывания с *ведь* значительно чаще описывали ситуации, интерпретируемые как когнитивно-поведенческие, т.е. предполагалось переосмысление ситуации и, как следствие, изменение поведенческой установки. В отличие от *же*, которое располагается сразу после императива, *ведь* никогда не оформляет собственно побудительные предложения, а вводит информацию, подтверждающую или обосновывающую необходимость совершения какого-либо действия.

Часто ситуация, интерпретируемая как когнитивная, вводится при помощи риторических вопросов: “Какъ тебѣ сорама нѣтъ? *Ветѣ* ты протопопъ.” (АЖит, с. 50). Но бывает и наоборот: ситуация воспринимается как когнитивно-поведенческая, однако текст исключает возможность трансформации поведения адресата. Это характерно для житийной литературы, точнее, для тех её фрагментов, в которых содержится обращение к “лицам божественным”, например: “За что ты, с(ы)не б(о)жий, попустил таково бол(ь)но убит(ь)-тово меня? Я *ветѣ* за вдовы твои сталъ!” (АЖит, с. 30). В данном случае обращение к “сыну божьему” исключает возможность воздействия на его поведение, принятие им решения, т. е. делает коррекцию поведения невозможной. Особое место занимают высказывания с *ведь* “пояснительным”: <...> никоніянъ окаянный, толстѣ *вѣдь* ты! Какъ в дверь небесную вмѣститися хочешь! (АКнБес, с. 291). Целью говорящего является не столько введение какого-либо аргумента, сколько привлечение внимания к упущенному из вида релевантному фактору.

Значительно реже *ведь* употребляется для выражения условно-следственных отношений: Положимъ упование на Христа и пречистую Богородицу <...> Авось бы ты умерла: *вѣдь* бы имъ жить же без тебя? (АКнБес, с. 399). Еще реже частица оформляет высказывания, представляющие собой 1) “запрос на подтверждение” или 2) оценку ситуации. В первом случае цель говорящего – получение подтверждения высказанного предположения или же актуальности информации, которой он уже располагает: А таки не татарка ли ево, С, родила, – тамъ-*веть* татаръ-тѣхъ много (АКнТолк, с. 463). *Ведь* “оценочное” употребляется для выражения и позитивной, и негативной оценки. Ср.: 1. Ну, господине и брате, хорошо *веть* Христось сказалъ! Иакъ *веть* слово в слово <...> (АКнБес, с. 257) и 2. А Никонъ, *вѣтъ*, не послѣдней антихристъ, такъ – шишь антихристов, <...> изникъ в земли нашей (АЧел, с. 894).

Несколько особняком стоит частица *и*. В рамках 5 основных ее значений (*‘ведь’*, *‘же’*, *‘именно’*, *‘тоже’*, *‘даже’*) можно выявить целую шкалу дополнительных. Частица *и* может участвовать в характеристике, оценке ситуации, в выражении условно-следственных, причинно-следственных, временных отношений, выполнять отождествительную, присоединительную функции, не утрачивая при этом усилительного значения, а также совмещать различные функции. Во всех случаях усилительные частицы устанавливают определенные соотношения между множеством и элементом или между двумя элементами, что сближает их с союзами: “границы частиц и союзов пересекаются, а иногда становятся очень зыбкими, текучими” (В. В. Виноградов). Союзность частиц “вытекает” из их основного значения: “Самая усилительность их, по существу дела, сближает их с союзами: всякое усиление выступает всегда на фоне чего-то неусиленного, а этот фон дается (или предполагается) в предыдущей части” (А. М. Пешковский).

Таким образом, анализ семантики и функций усилительных частиц позволяет сделать вывод об их многофункциональности. Наряду с основным, частицы вносят множество дополнительных значений, выполняют различные синтаксические функции, а также придают высказыванию эмоционально-экспрессивную окраску. Семантика частиц в значительной степени определяется их позиционными характеристиками.

В третьей главе “**Выделительно-ограничительные частицы**” анализируются ограничительные частицы *только*, *лишь*, *разве*, *один* и их контаминации, приводятся лексикографические описания. В первом разделе излагается история изучения частиц, в том числе выделительно-ограничительных, позиционные характеристики частиц, рассматриваются

их основные значения, а также союзные функции. С помощью этих лексических средств из некоторого множества выделяется элемент, который либо отрицает другие элементы, входящие в это множество, либо противопоставляется им, задавая таким образом класс. Высказывание с ними обязательно связано с какой-то ситуацией, информацией, которая имела место раньше. Это предопределено самим ограничительным значением. Предложения с частицами не могут просто описывать ситуацию, никак не комментируя ее. Частицы непременно добавляют некоторое “смысловое содержание, дополнительные смысловые строки”.

В контексте, порождающем ограничительное значение, обязательны два компонента: фон, на котором это значение проявляется, и выделяемый компонент, который может включаться в класс однородных элементов, но может и не входить в него. Связывая текстовые фрагменты, частицы маркируют определённые виды отношений элемента и класса, а именно – отношения исключения, которые имеют следующие конкретные проявления: 1) единственный или незначительный факт утверждается на фоне полного отрицания, причем могут сопоставляться именные, обстоятельственные и предикативные группы; 2) единственный или незначительный факт не соответствует общему утверждению; 3. единственный факт не соответствует другому или другим фактам.

Практическое совпадение семантики частиц и союзов **только** и **лишь** (за исключением случаев, когда они являются условными или временными союзами) затрудняет их разграничение по частям речи. Сделать вывод о принадлежности лексемы к той или иной части речи можно на основании функционально-семантического анализа контекста, который позволяет выявить ряд закономерностей.

Союзы **только** и **лишь** и их модификации употребляются только в сложных предложениях (как сложносочинённых, так и сложноподчинённых). В сложносочинённых предложениях союзы выполняют следующие функции: 1) соединяют предложения, из которых одно противопоставляется другому, ограничивая или частично отрицая его; 2) вводят высказывание, объясняющее невозможность осуществления какого-либо действия); 3) присоединяют побудительные предложения, которые могут выражать крайнюю степень желательности, а также вносить значение единственности, исключительности. Если побудительное предложение присоединяется с помощью союзов **только** или **лишь**, обязательно употребление глагола повелительного наклонения или инфинитива.

В сложноподчинённых предложениях союзы **только** и **лишь** используются для присоединения 1) придаточных условных предложений

(в современном языке это значение отсутствует): <...>**только бы**-де воевода по государеву указу ехалъ прямою дорогою, и мы бы-де нужи такие не терпѣли (АЗап, с. 702); 2) придаточных предложений времени: Люди голодные: **лишь** станут бит(ь), ано и умереть <...> (АЖит, с.33); 3) предложений, которые представляют собой пояснение, изложение причин того, о чём говорится в предыдущем предложении (сближается по значению с союзом **потому что**). Усиливается, актуализируется первый компонент высказывания. Очевидное сходство и даже тождественность функций частиц **лишь** и **только** все же не позволяет сделать однозначный вывод об их синонимичности, а следовательно, и о дублетности. Взаимозаменяемость частиц невозможна в составе частиц **только и (всего), не только что**, в составе союзов **не только (что)...**, **но и...**; **если только (еще только)**; в сочетании с частицей **разве** (в функции условного союза) или с отрицательной частицей **не**.

Функциональные, семантические и стилистические особенности союзов **лишь** и **только** настолько сходны, что их можно считать практически эквивалентными. Особое место в системе частей речи занимает слово **один** – “по существу целый функциональный мир” (Т. М. Николаева, 1982). Все эти слова объединяет общее значение ограничительности, однако их нельзя считать семантически тождественными: частица **один** не может употребляться в высказываниях, представляющих собой особую оценку времени, а также сочетаться с числительными, глаголами, наречиями, прилагательными. В остальном условия употребления **один** и других ограничительных частиц сходны: в высказывании сопоставляются некое множество и выделенный элемент, причем противопоставление разрешается в пользу элемента, а лексическая единица маркирует отношения “исключения”, которые могут иметь следующие конкретные проявления: 1. Единственный элемент исключается из класса однородных элементов на основании того, что он не обладает свойствами, присущими остальным элементам этого класса. Сопоставляются именные группы: <...> все-де тремя персты крестятся, **одинъ**-де ты стоиш(ь) в своем упоръстве и кр(е)стисся пятью перъсты! (АЖит, с. 52). 2. Единственный или незначительный факт утверждается на фоне полного отрицания, причём множество может быть выражено имплицитно и эксплицитно. Сопоставляются а) именные группы (субъекты и объекты): Сверху дождь и снег, на плечах **одно** кафтанишко накинута просто <...> (АЖит, с. 31); Еремей <...> росказал: <...> какъ по каменным горам в лесу семь дней блудил, не ядше, – **одну** белку || съелъ <...> (АЖит, с. 40).

В отличие от слов **только, лишь, разве**, которые участвуют в сопоставлении предикативных, обстоятельственных групп, возможности

описываемой лексической единицы не столь широки. Очевидно, это связано с тем, что, “перерождаясь семантически и расширяя свои сочетательные свойства, слово **один** не может быть безразличным к морфологии акцентируемого слова, так как само оно сохраняет семантический тип прилагательного (Е. А. Стародумова, с. 23).

Кроме ограничительной, лексема выполняла ряд других функций, а именно: употреблялась в значении прилагательных (*единственный; без других, в одиночестве; общий, единый*), (*человек; один предмет*), неопределенного местоимения и т.д.

Слово **разве** также следует рассматривать отдельно.

В центре внимания исследователей находится прежде всего вопросительная функция частицы. Ограничительному значению уделяется значительно меньше внимания, хотя в языке XVII века именно оно было доминирующим для **разве**, так же, как для **только** и **лишь**. Но было бы ошибкой говорить о семантической тождественности частиц и рассматривать только их стилистические различия. Замена одной частицы другими невозможна в следующих случаях: 1. **Разве** не употребляется для обозначения точного количества, а также в высказываниях, содержащих информацию не о предполагаемом, гипотетическом событии, а об уже свершившемся. 2. Если событие, о котором говорится в предложении, уже произошло и его достоверность не вызывает сомнения. 3. **Разве** (как и **лишь**) не может употребляться в контексте иллюстрации, подтверждения введенного ранее тезиса.

В остальном условия употребления **разве** и других ограничительных частиц сходны.

Так же, как частицы **только** и **лишь**, связывая текстовые фрагменты, **разве** маркирует отношения исключения, которые могут иметь различные конкретные проявления: 1) единственный элемент исключается из класса однородных элементов на основании того, что он не обладает свойствами, присущими остальным элементам этого класса; 2) единственный или незначительный факт утверждается на фоне полного отрицания. В этом случае сопоставляются или именные, или предикативные, или обстоятельственные группы.

Таким образом, в зависимости от того контекста, в котором употребляется ограничительная частица, она либо ограничивает множество релевантных объектов “сверху” и осмысливается в значении “не более, чем”, либо ограничивает соответствующее множество “снизу” и осмысливается в значении “не менее, чем” (Дискурсивные слова).

Союз **разве (только разве)** употребляется значительно реже и соединяет высказывания, связанные условно-противительными

отношениями, в то же время сохраняя своеобразие семантики, присущее ограничительным частицам. Предлог *разве* (в современном русском языке отсутствует) употреблялся с родительным падежом для выражения следующих отношений: 1) полному отрицанию противопоставляется факт, который не включается в отрицаемое; 2) в контексте задан класс элементов, по отношению к которому единичный элемент вводится как часть класса, но в то же время как бы находится “вне класса”.

Семантика исключения, присущая предлогу *разве*, прослеживается в значении и употреблении *разве* вопросительного. Основные случаи употребления *разве* вопросительного таковы: 1. *Разве* вопросительное употребляется в риторических вопросах для выражения уверенности в противоположном ответе. Предложение с частицей *разве* используется в качестве отрицания возможности обсуждаемой ситуации. 2. Частица употребляется в значении, скорее соответствующем современному *неужели*. Описываемая ситуация представляется автору невероятной, невозможной, а частица служит для выражения недоверия, сомнения. 3. Говорящий выражает удивление по поводу сложившейся ситуации, так как он считал, что эта ситуация не должна была иметь место.

В **Выводах** результаты исследования обобщены и представлены в виде ряда положений, представляющихся важнейшими.

В языке XVII века для выражения “субъективно-модальных характеристик и оценок сообщения” (АГ–80) в основном употреблялись усилительные и выделительно-ограничительные частицы, которые использовались в различных позициях и выполняли разные функции. Анализ лексико-семантических свойств частиц позволил выявить следующие закономерности:

1. Для выражения усилительного значения в основном использовались частицы *и, же, да, ведь, бо, вот*. Усилительные частицы находились, как правило, в препозиции к слову, значение которого усиливалось или выделялось, но могли располагаться и после выделяемого слова (*бо, ведь, и* в значении *именно*), употреблялись как контактно, так и дистантно. Исключение составляла частица *же*, которая всегда находилась в постпозиции к выделяемому слову.

2. Термин “усилительная частица” не отражает всего многообразия выполняемых ею функций. В исследуемом материале зафиксированы различные оттенки значений усилительных частиц (аргументативность, побудительность и т. д.), а также случаи совмещения значений.

3. Функции частиц тесно связаны с союзными. Частица *же* выполняла сопоставительную функцию, Частицы *же, ведь, бо* осуществляли так

называемую аргументативную функцию. В древнерусском языке, как и в современном, выявлены два варианта аргументации – “за” и “против”.

4. Употребление выделительно-ограничительных частиц предполагает наличие какой-то ситуации, информации, которая имела место раньше. В контексте, порождающем ограничительное значение, обязательны два компонента: фон, на котором это значение проявляется, и выделяемый компонент, который может включаться в класс однородных элементов, но может и не входить в него. Отношения исключения, которые маркируют выделительно-ограничительные частицы, имеют следующие конкретные проявления: а) единственный или незначительный факт утверждается на фоне полного отрицания; б) единственный (или незначительный) факт не соответствует общему утверждению; в) единственный факт не соответствует другому или другим фактам.

5. Союзы *только* и *лишь* и их модификации употребляются только в сложных предложениях (как сложносочинённых, так и сложноподчинённых). В сложносочинённых предложениях союзы 1) соединяют предложения, из которых одно противопоставляется другому, ограничивая или частично отрицая его; 2) вводит высказывание, объясняющее невозможность осуществления какого-либо действия); 3) присоединяет побудительные предложения. В сложноподчинённых предложениях союзы *только* и *лишь* используются для присоединения 1) придаточных условных предложений (в современном языке это значение отсутствует; 2) придаточных предложений времени; 3) предложений, которые представляют собой пояснение, изложение причин того, о чем говорится в предыдущем предложении (сближается по значению с союзом *потому что*). Очевидное сходство функций, выполняемых частицами *только* и *лишь*, все же не позволяет сделать однозначный вывод об их дублетности. Взаимозаменяемость частиц невозможна а) в составе частиц *только и (всего), не только что*; б) в составе союзов *не только (что)…, но и…; если только (еще только)*; д) в сочетании с частицей *разве* – в функции условного союза; е) с отрицательной частицей *не*. Значения лексем *только* и *лишь* в функции наречия и предлога, с одной стороны, и частицы и союза, с другой, не пересекаются. Видимо, их следует рассматривать как проявление грамматической омонимии.

6. Анализ семантики и функций усилительных и выделительно-ограничительных частиц позволяет сделать вывод об их многофункциональности. Наряду с основным, частицы вносят множество дополнительных значений, выполняют различные синтаксические функции, а также придают высказыванию эмоционально-экспрессивную окраску. Для исследования семантического и функционального

многообразия частиц необходимо привлечение не только микро-, но и макроконтраста.

В **Приложении** представлен образец лексикографии частицы, учитывающий имеющиеся в других источниках описания и обнаруженные нами особенности. Кроме того, он представляет собой попытку объединения традиционного и нового подходов к представлению семантических свойств дискурсивных слов.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах автора:

1. Фразеологизированные частицы. Функциональный и методический аспекты. Статья деп. в ИНИОН АН СССР 31.07.07. № 45127. (В соавторстве)
2. Частицы в «крестьянских стихах» Н.А. Некрасова // V Некрасовские чтения. Тезисы выступлений. – Ярославль, 1990. – с. 165-166.
3. Функционирование и семантизация фразеологизированных частиц в практике преподавания русского языка. // Основные направления и методы гуманитаризации подготовки специалистов для зарубежных стран (научно-методическое пособие) – Одесса, 1991. (В соавторстве)
4. Функционирование частиц в художественной литературе и методика их семантизации // Философские и естественно-научные аспекты антропологии. Санкт-Петербург – Донецк, 1992. – с. 7-12. (В соавторстве)
5. Функционирование частиц в поэтике старообрядческой литературы (на материале «Жития протопопа Аввакума») // Философские и естественно-научные аспекты антропологии. Санкт-Петербург – Донецк, 1992. – с. 13-14.
6. Фразеологизированные частицы: структура, функции, особенности употребления // Философские и естественно-научные аспекты антропологии. Санкт-Петербург – Донецк, 1992. – с. 17-18. (В соавторстве)
7. Функционирование частиц речи-транспозитов (на материале древнерусской литературы) // Философские и естественно-научные аспекты антропологии. Санкт-Петербург – Донецк, 1992. – с. 19-22.
8. Семантические и функциональные особенности усилительных частиц (на материале житийной литературы XVII века) // Филологические исследования. Вып. I. – Донецк, 1999. – с. 346-352.

9. Дискурсивное слово “же” варьирование (на материале житийной литературы VXII века) // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. VII. – Донецк, 2001. – с. 282-291.
10. Аргументативные значения дискурсивного слова «ведь» (на материале языка VXII века). // Филологические исследования. Вып. V. – Донецк, 2002. – с. 333-343.
11. Функционирование фразеологизированных частиц в художественной литературе и особенности их семантизации в иностранной аудитории // Вторая Международная периодическая научно-практическая конференция «Спецпроект: анализ научных исследований» (Сборник докладов. Т. 2). – Днепропетровск, 2005. – с. 81-84. (В соавторстве)
12. Функциональные и стилистические особенности частиц в поэтике старообрядческой литературы (на материале «Жития протопопа Аввакума») // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Розвиток наукових досліджень 2005», Том 4. – Полтава, 2005. – с. 148-150.
13. Частица или союз? Морфология или синтаксис? (на материале произведений старообрядческой литературы) // Вторая Международная периодическая научно-практическая конференция «Альянс наук: ученый – ученому» (Сборник научных работ). Т. 2. – Днепропетровск, 2005. – с. 37-39.
14. Семантико-синтаксические проявления усилительных частиц (на материале «Жития протопопа Аввакума») // Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції «Дні науки – 2006». Том 19. Філологічні науки. – Дніпропетровськ: Наука і освіта, 2006. – с. 73-74.
15. Особенности функционирования частицы *только* в древнерусской литературе // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. десятый. – Донецк, 2006. – с. 424-430.
16. Из истории изучения частиц (по материалам грамматик XVI-XVIII вв.) // Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції «Сучасні наукові дослідження – 2006». Том 40. Філологічні науки. – Дніпропетровськ: Наука і освіта, 2006. – с. 46-48.
17. Функционирование частицы *только* в памятниках древнерусской литературы // Мова і культура. (Науковий журнал). – Київ, 2007. – Випуск 9. Том III (91). Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту. – С. 334-338.

18. Особенности функционирования частицы *разве* в языке древнерусской литературы // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. тринадцатый. – Донецк, 2009. – с. 246-256.
19. Ограничительное значение слова *один* (на материале «Жития протопопа Аввакума») // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований – 2010». – Одесса, 2010. – с. 18-19.
20. Функционирование усилительных частиц в языке древнерусской литературы // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: Материалы IV Международной научно-практической конференции. 23 августа 2013 г. – Краснодар, 2013. – с. 144-148.
21. Союзные функции усилительных частиц в языке древнерусской литературы // Мова і культура. (Наукове видання). – Київ, 2013. – Випуск 16. – Том III (165). Національні мови і культури в їх специфіці та взаємодії. – С. 151–157.
22. Союзные функции выделительно-ограничительных частиц в языке древнерусской литературы // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. пятнадцатый. – Донецк, 2014. – с. 128–139.
23. Особенности употребления усилительных частиц в языке древнерусской литературы (на материале Жития» протопопа Аввакума) // Филологические исследования: [сборник научных трудов] / [Отв. редактор В. В. Федоров] – Вып. 15. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2016. – с. 302–308.